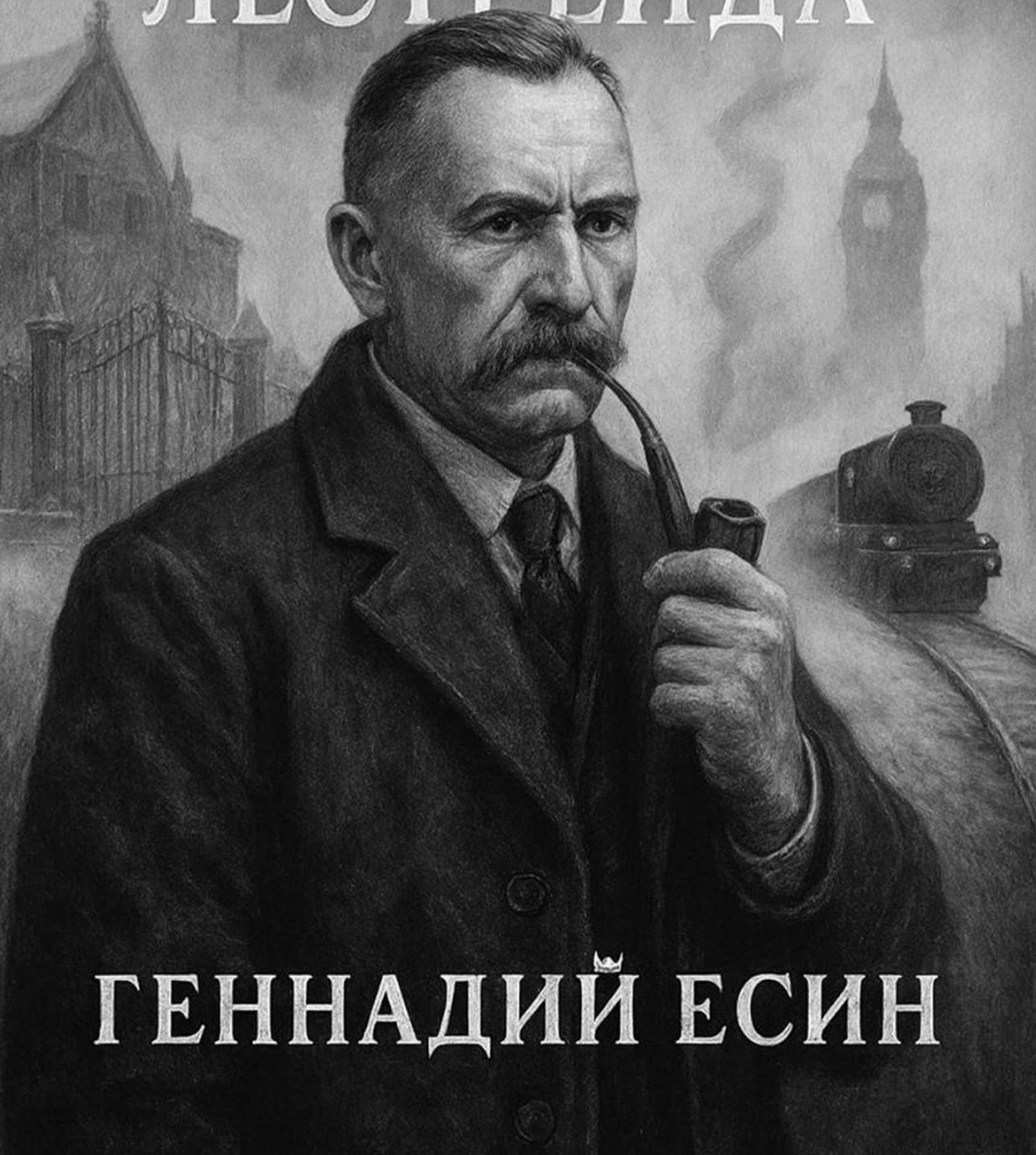

ОДИН ГОД ИНСПЕКТОРА ЛЕСТРЕЙДА

ГЕННАДИЙ ЕСИН

Расследования инспектора Лестрейда

Геннадий Есин

Один год инспектора Лестрейда

«Автор»

2026

Есин Г.

Один год инспектора Лестрейда / Г. Есин — «Автор»,
2026 — (Расследования инспектора Лестрейда)

События этой книги происходили с февраля 1903 по февраль 1904 года. Инспектор Скотленд-Ярда Джордж Лестрейд расследует дела, которые не попали в газеты. Три дела, три локации: Суррей. В психиатрической лечебнице погибает герой англо-бурской войны. Убийство или месть сослуживцев? Лондон. Срочная кремация генеральской вдовы через сутки после смерти. Что хотели скрыть её родственники? Япония. В преддверии русско-японской войны Лестрейд в составе делегации едет через всю Россию. Шпионаж, якудза и политические интриги. Здесь вы прочтёте то, что не попало в официальные отчёты Скотленд-Ярда. Для любителей: исторических детективов, викторианской Англии, шпионских триллеров, приключений в Российской империи и загадок в духе Шерлока Холмса.

© Есин Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

СНЕГ НАД СУРРЕЕМ	5
1 февраля 1903 года. Суррей. Хоргонский приют для душевнобольных	5
2 февраля 1903 года. Раннее утро	8
2 февраля 1903 года. Утро	11
2 февраля 1903 года. Позднее утро	13
2 февраля 1903 года. Ближе к обеду	15
2 февраля 1903 года. После полудня	17
2 февраля 1903 года. Ближе к вечеру	19
3 февраля 1903 года	21
3 февраля 1903 года. Позднее утро	23
3 февраля 1903 года. Полдень	26
3 февраля 1903 года. После полудня	29
3 февраля 1903 года. До захода солнца	31
Последняя воля леди Фицрой	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Геннадий Есин

Один год инспектора Лестрейда

СНЕГ НАД СУРРЕЕМ

1 февраля 1903 года. Суррей.

Хортонский приют для душевнобольных

Февраль выдался промозглым. Сырость, усугублённая ветром, пробирала до костей, и от неё не спасали ни шерсть, ни твид. Ветер налетал на здание клиники, пытаясь сдвинуть его с места, натужно гудя в печных трубах.

Снег шёл густой – не лёгкий и пушистый, а вязкий и мокрый. Снежинки сбивались в плотные хлопья, засыпая фундамент ограды, налипая на ветки и стволы, скапливаясь на козырьках окон. Отогретые комнатным теплом, они нехотя сползали по стёклам, оставляя прозрачные разводы.

Массивная дверь с табличкой «Доктор Роберт Гардинер Хэдли» открылась. В проёме появилась немолодая медсестра в накрахмаленном чепце и безупречно белом переднике.

– Проходите, сэр, вас ждут, – сказала она, отступая в сторону.

Инспектор Джордж Лестрейд вошёл в кабинет. Роберт Хэдли, главный врач недавно открывшейся психиатрической клиники, поднялся из-за стола. Стойкий колониальный загар резко контрастировал с бледной кожей вокруг коротко остриженных седых усиков, подчёркивая паутинку белых морщинок у прищуренных глаз, привыкших к слепящему солнцу африканского вельда.

– С благополучным прибытием, сэр.

Лестрейд кивнул и повесил на вешалку у двери пальто и котелок, усеянные капельками растаявшего снега.

– Расскажите поподробнее, доктор, что у вас тут произошло.

– Присаживайтесь, сэр. – Доктор жестом указал на стул. – Погибший – полковник Джеральд Картер. Тело обнаружила дежурная сестра в палате № 4. Это общая палата, где содержатся самые сложные пациенты.

Несмотря на приглашение, инспектор не стал садиться. Он прошёл к горящему камину, протянул к теплу озябшие ладони и переспросил:

– Сложные?

– Да, сэр. Воевали с бурами. Некоторые были ранены. Я не считаю их душевнобольными в том смысле, какой вкладывают в это понятие в лондонском Бедламе. Я бы сказал: они стали иными, пережив ужасы войны.

Доктор Хэдли вышел из-за стола и подошёл к окну.

– Наши пациенты логично мыслят, помнят прошлое, играют в шахматы, весьма рассудительны. Некоторые даже излишне. И в то же время, – доктор замолчал, подыскивая нужные слова, – всё не так просто. Один из них мне сегодня заявил, что в Африке он не воевал, а был королём Зулусленда.

– Стало быть, как свидетели они бесполезны?

– Совершенно, сэр. – Врач вернулся за стол. – Мне телефонировали из канцелярии военного министерства и сообщили, что ваш визит инициирован министром, сэром Уильямом Сент-Джон Бродериком. Со своей стороны, я обещаю вам полное содействие. Но надеюсь... смею надеяться на вашу деликатность и сдержанность.

Лестрейд невесело усмехнулся.

– Не хочу вас разочаровывать, доктор, но полицейский инспектор и сдержанность – понятия несовместимые. Мне придется поговорить здесь со многими. В том числе с вами и, боюсь, не единожды.

Врач коротко кивнул.

– Безусловно, сэр. Я понимаю.

– Но если вы всё понимаете, почему сразу не вызвали coronera и не обратились в полицию?

– Потому что полковник Картер – не просто больной. Он заслуженный, боевой офицер и по личной просьбе виконта Китченера находится... извините, находился на попечении Военного министерства. По инструкции, я должен был сразу же их уведомить. А когда я дозвонился до них, мне сообщили, что сами свяжутся со Скотленд-Ярдом.

«Попечение»... Теперь Лестрейду стали понятны и озабоченность министра обороны, и торопливость комиссара полиции. Знакомство полковника Картера с бывшим главнокомандующим войсками в Южной Африке генералом Китченером могло обратить банальный бытовой криминал в политическое дело.

Метель снаружи разгулялась не на шутку. Липовая аллея, хозяйственные пристройки и остроконечный шпиль кладбищенской часовни окончательно утонули в белесой мгле. Ещё в Скотленд-Ярде, изучая материалы по клинике, Лестрейд отметил эту удивительную последовательность: сначала в 1899 году открыли кладбище, и только через три года к нему пристроили лечебницу.

2 февраля 1903 года. Раннее утро

Утро следующего дня выдалось холодным, безветренным и блёкло-белым. Главврач уступил свой кабинет в полное распоряжение инспектора Скотленд-Ярда. Инспектор отодвинул кресло доктора в сторону и занял жёсткий стул с высокой спинкой.

Медсестру звали Эллисон Симпсон. Лет двадцати пяти – с цепким внимательным взглядом карих глаз. Спину держала ровно, руки – перед собой на коленях. Время от времени указательным пальцем правой руки выводила по натянутому как парус переднику то ли узор, то ли буквы.

– Расскажите всё, что вы видели, – попросил Лестрейд.

– Я заступила на утреннюю смену, но ночной персонал ещё не ушёл. Утренний осмотр я начала примерно в шесть-сорок. В четвёртую палату зашла сразу – она ближе всех к столику сиделки. – Медсестра отвечала глухим, монотонным голосом, словно дождь стучал по жестяному карнизу.

– Кто находился в палате?

– Все пятеро: лейтенант Слоан, капитан Мортон, сержант Йейтс, военный капеллан Джо-зеф Теннант и... – она сделала заметную паузу, – полковник Картер.

– Спали?

– У капеллана Теннанта – хроническая бессонница. Он сидел у своей кровати и читал Священное Писание. Остальные находились в постелях.

– А полковник?

– Его койка – в самом углу за ширмой, – голос медсестры стал тише. – Я пошла сразу к нему. Когда сдвинула створку, увидела мистера Картера на спине. Одеяло сползло, лицо... серое. Увидела пятно крови на подушке. Подошла к кровати, обхватила запястье, пытаюсь нащупать пульс. Рука была холодной... словно лёд.

– Вы сдвигали тело?

– Боже упаси, сэр. Я тут же выскочила в коридор и попросила отдежурившую миссис Дженнингс немедленно вызвать главного врача. Доктор Хэдли появился довольно быстро.

– Как он был одет? – спросил Лестрейд.

Палец медсестры закружился по накрахмаленному фартуку – так быстро, что если это было имя, то Лестрейд не успел его прочитать.

– Доктор... Как обычно. В сюртуке и без врачебного халата.

– Продолжайте.

– Доктор Хэдли сразу же прошёл к полковнику... – она запнулась. – Там, напротив кровати, расположено окно. Он отдернул штору и приказал нам с сиделкой разбудить и вывести остальных пациентов.

– Окно... Когда вы вошли, оно было закрыто?

– Однозначно, сэр, иначе бы всю палату выстудило.

– Кто ещё, кроме вас, заходил в четвёртую палату.

– Сиделка Дженнингс, доктор Хэдли, фельдшер Вуд... и всё.

Лестрейд кивнул и откинулся на жёсткую спинку стула.

– По поводу... смерти полковника, у вас есть какие-либо предположения? – спросил он.

– Предположения?

– Да, что вы, например, подумали, когда увидели труп?

Мисс Симпсон подняла голову, в её глазах был открытый вызов.

– Что кто-то из пациентов проломил Картеру череп, а потом вернулся в свою постель и спокойно уснул.

– По ночам проводятся проверки?

– Нет, сэр. Наши больные – люди беспокойные, а здесь применяются передовые, прогрессивные методы. Доктор Хэдли запрещает тревожить пациентов.

Медсестра опустила глаза и, наконец, решилась:

– Узнав о смерти полковника, лейтенант Слоан сказал мне, что ночью разговаривал с полковником Картером.

Лестрейд шевельнулся: предательски скрипнул стул.

– Вскрытие проводилось?

– Нет, сэр. Тело полковника находится в покойнице.

– Благодарю вас, мисс. И, кстати... – Инспектор сделал паузу. – Вы не назвали причину смерти полковника Картера.

– Разве?... – Её пальцы нервно затеребили край передника. – Я полагаю, он умер от удара по затылку чем-то тяжёлым.

Лестрейд недоверчиво прищурился.

– Сзади?

– Именно так, сэр.

– Вы сказали, он лежал на спине... Как вы можете это объяснить?

- Не знаю, сэр.
 - Вам не попалось на глаза возможное орудие убийства?
 - Нет, инспектор... Я его и не искала.
 - После... Уборка в палате проводилась?
 - В палате – да, в закутке полковника – нет.
- Лестрейд встал, опираясь ладонями на стол.
- Боюсь, придётся вас ещё раз побеспокоить. А пока проводите меня, пожалуйста, в палату номер четыре.

2 февраля 1903 года. Утро

Когда они вышли в коридор, их догнал резкий, дребезжащий звон колокольчика. Из настежь открытой на кухню двери тянуло подгоревшим молоком и чем-то кислым.

– Здесь, сэр, палата для господ офицеров.

В просторном помещении с высокими потолками бросались в глаза гипсовые ангелы в потолочных углах, блеснул натёртый паркет. Три аккуратно заправленные кровати стояли вдоль левой стены, две – у правой.

Лестрейд остановился, оглядывая прикроватные тумбочки: настольные лампы на каждой, с десятков выстроенных в каре оловянных солдатиков на первой справа и растрёпанная книга.

– Расскажите, мисс, где чьи кровати.

– У двери с солдатиками лейтенанта Слоана. По ту сторону окна – капитана Мортон. На его тумбочке – курительная трубка и томик Киплинга. Слева – сержанта Йейтса.

На идеально натянутом одеяле покоился, застёгнутый на все пуговицы, китель с нашивками и туго скрученный кожаный ремень с надраенной латунной бляхой и надписью: «Dieu et mon droit» (фр. – «Бог и моё право»).

– Где кровать капеллана Теннанта? – спросил Лестрейд.

– Третья, возле ширмы, где Библия на стуле...

Инспектор кивнул и прошёл за высокую раскладную деревянную ширму с картинками на пасторальные темы. Окно было закрыто, шторы раздвинуты. Ни на сброшенном на пол одеяле, ни на смятой простыне крови не было. Коричневое запёкшееся пятно на подушке не было смазанным. Сестра сказала правду: тело не перемещали.

Лестрейд присел на корточки, заглянул под кровать. Провёл пальцем по полу. Прощёл к окну – убедился, что рама закрыта на внутреннюю задвижку. На подоконнике – ни следов, ни отпечатков.

Если Картер стоял... лицом к окну... после удара упал бы навзничь, и на одеяле была бы кровь.

Если сидел, то упал бы на бок и... убийце оставалось только занести его ноги и выровнять голову. Зачем?

И вообще... Почему полковник развернулся к убийце спиной? Не ждал удара? Ведь не заметить Слоана он не мог, а разговаривать стоя спиной было неловко, да и не по уставу. Хотя... это мог быть не офицер.

Лестрейд вышел из-за ширмы и прошёл к прогоревшему камину. Под ещё тёплым угольным шлаком, лежала массивная чугунная кочерга. Он вытащил её и внимательно оглядел.

– Мисс Симпсон, вчера здесь топили камин?

– Да, сэр, дополнительно, в связи с похолоданием.

– В прошлом году в Ярде открыли «Бюро отпечатков пальцев», вот бы кого сюда. Хотя... – инспектор усмехнулся. – Если на кочерге и были волосы с кровью, то бесследно сгорели. Это вам не отпечатки пальцев на окрашенном подоконнике...

– Простите, сэр. Мы здесь ничего не трогали, и, тем более, не красили.

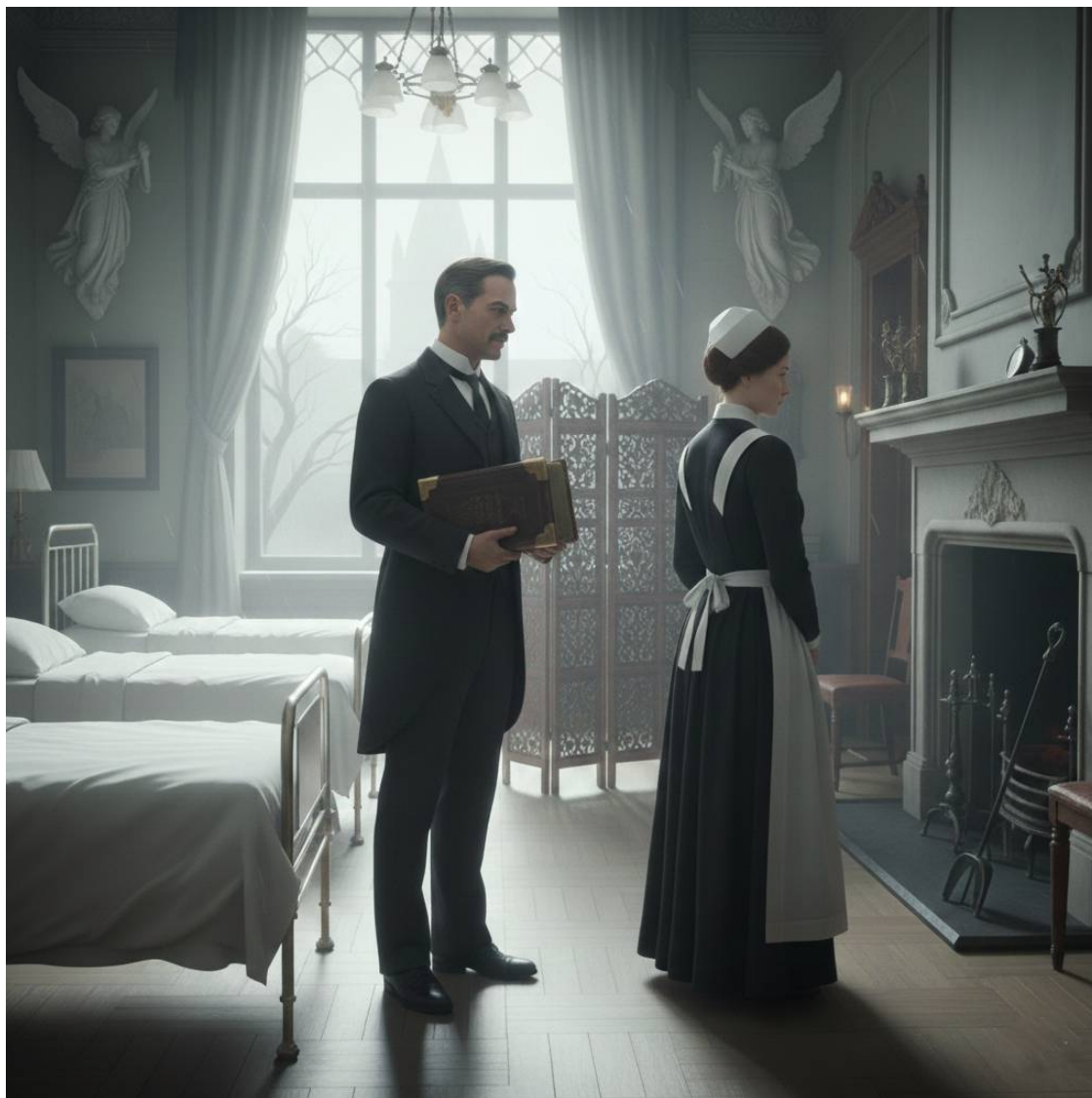
– Да, да, мисс, извините. – Лестрейд приставил кочергу в камину. – Я так понимаю, ваши пациенты сейчас на завтраке?

– Совершенно верно, сэр, в столовой.

Лестрейд вернулся к кровати капеллана. Взял со стула Библию.

Уважительно провёл ладонью по выдавшей виды кожаной обложке, усиленной медными уголками. Открыл наугад и принялся читать вслух: «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох успокаивают меня...»

Медсестра непроизвольно повернула голову в сторону камина.
Лестрейд с глухим стуком захлопнул книгу. Мисс Симпсон вздрогнула.

2 февраля 1903 года. Позднее утро

Фельдшер Грейсон Вуд выглядел старше своих сорока пяти лет. Волосы седые, коротко остриженные. Под глазами залегли глубокие тёмные тени. Поверх сюртука был надет белый фартук с бурыми, въевшимися пятнами – то ли йода, то ли крови. Отвечал вежливо и медленно, тщательно обдумывая каждое следующее слово.

– Полковник Картер поступил к нам в июне прошлого года, – начал Вуд, взяв в руки историю болезни. – Речь – связная, аффективные реакции – неустойчивые. Острые приступы параноидального помешательства перемежались с состояниями глубокой апатии и безучастности.

– В первые дни... – фельдшер открыл папку и пролистнул несколько листов. – Просил поставить внутренний засов. Полковник одержим... – Вуд снова пролистнул несколько листов и прочитал: – пулемётом системы Максима. Утверждал, что тот обладает дьявольской скорострельностью: 666 выстрелов в минуту. Симптоматика свидетельствует о стойком бредовом состоянии с элементами мистической окраски, – закончил цитировать фельдшер.

– Ухудшения не наблюдались? – уточнил Лестрейд.

– В настоящий момент ухудшения не отмечаются. Состояние можно признать стабильным, хотя в нашем случае подобное понятие весьма условно. Отмечается некоторое усиление замкнутости: больной стал держаться отчуждённо, избегает разговоров. Аффективные проявления сглажены, речь продолжает оставаться связной, но бедной по содержанию.

– Почему до сих пор не произведено вскрытие?

– Главный врач посчитал нужным отложить вскрытие до приезда официального представителя Скотленд-Ярда, то есть вас.

– Надо было не меня ждать, а коронера вызывать. Наружный осмотр трупа проведён?

– Да, сэр. Мы с доктором Хэдди составили первичный отчёт. Смерть наступила в результате черепно-мозговой травмы. Удар был нанесён в основание черепа, судя по характеру травмы, тяжёлым тупым предметом.

– Возможно, головой, – криво усмехнулся Лестрейд.

– Что, сэр?

– Извините, мистер Вуд, полицейский юмор.

Фельдшер смущённо кивнул. Не решив, улыбаться ему или нет, добавил:

– Удар был мощным, целенаправленным.

– Вы не нашли орудие убийства?

– Нет, сэр.

– Ногти осмотрели? Синяки на кистях рук, следы борьбы...

– Отсутствуют. Поза тела естественная. Руки вытянуты вдоль туловища. Мимика лица не искажена.

– Как могло так случиться, мистер Вуд, что удар нанесли сзади, а труп лежал на спине?

Фельдшер снял очки, положил их на стол и двумя пальцами потёр переносицу. Его расфокусированный взгляд блуждал по комнате.

– Видимо, кто-то его уложил, – тихо обронил фельдшер.

Инспектор кивнул.

– Могу я увидеть тело?

– Да, конечно.

– И ещё, мистер Вуд. Кто в лечебнице – и прежде всего из четвёртой палаты – мог убить полковника?

Фельдшер вернул очки на место и посмотрел на Лестрейда. Глаза за стёклами стали большими, взгляд настороженным.

– Из четвёртой? Здесь и думать нечего... любой. – Он глубоко вздохнул. – И никто.

2 февраля 1903 года. Ближе к обеду

Морг находился в стороне от основных корпусов, в отдельном, обложенном красным кирпичом флигеле, напоминавшем склад садового инвентаря. Фельдшер Вуд провёл Лестрейда по узкой, уже протоптанной дорожке. Снег громко хрустел под ногами, а чёрные вороны сопровождали их, лениво перелетая с дерева на дерево.

Остановившись у тяжёлой, обитой листовым железом двери, Вуд долго провозился с ключом – замок замёрз и заедал. Наконец механизм лязгнул, и фельдшер с трудом оттянул недовольно заскрипевшую дверь.

Внутри стоял холод, ещё более злой и пронизывающий, чем на улице, пропитанный резким химическим запахом формалина и прогоревшего угольного шлака.

Фельдшер чиркнул спичкой, приподнял стекло, зажёл керосиновую лампу, подвешенную к вбитому в низкий потолок крюку, и отпустил её. Жёлтый круг света закачался, выхватывая контуры фигуры, накрытой брезентом. Лестрейд снял перчатки, убрал их в боковой карман пальто и откинул покрывало.

Лицо умершего Джеральда Картера было спокойным и жёлтым, будто вылепленным из церковного воска. Глаза закрыты, губы плотно сжаты. Подбородок подвязан поясом от халата и закреплён на затылке.

– К чему это? – спросил инспектор, кивнув в сторону нелепого банта на голове покойника.

– Чтобы поддерживать челюсть. Погодите, инспектор, – фельдшер обхватил голову покойника руками и с силой повернул затылком к Лестрейду. – Вам видно?

Инспектор кивнул:

– Удар сильный, быстрый и точный, – констатировал он.

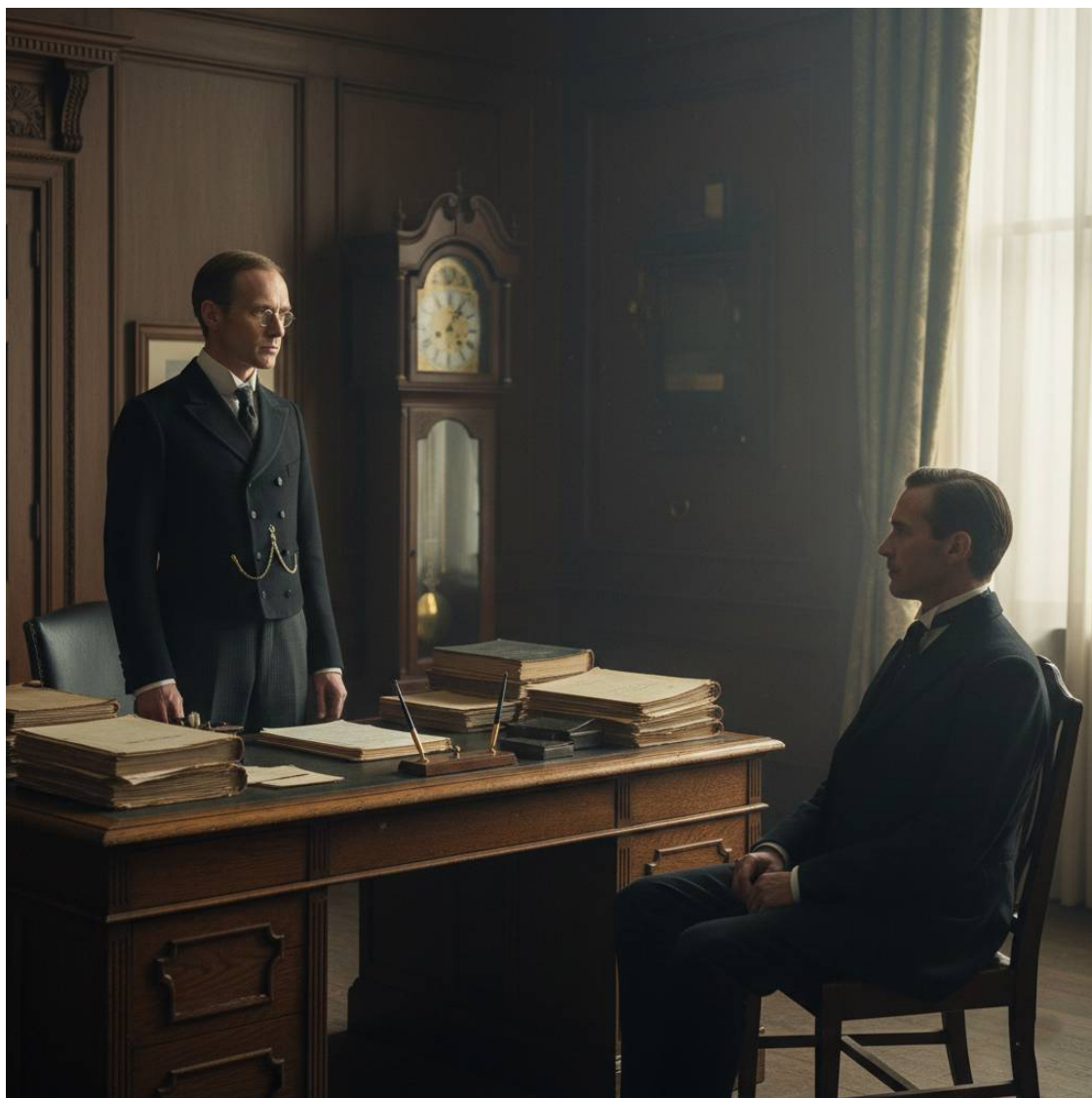
Лестрейд приподнял правую руку полковника: ногти коротко острижены: чистые, без заусенцев и ссадин. Костяшки пальцев и локти не сбиты. Лестрейд обошёл стол и осмотрел левую руку. Синяков и пятен нет. Не защищался, ни за кого и ни за что не хватался.

Инспектор натянул брезент обратно, закрывая покойника. Надел перчатки, вышел из морга и раздражённо толкнул тяжёлую дверь плечом. С короткого козырька над входом ему за шиворот просыпался свежавыпавший снег.

2 февраля 1903 года. После полудня

Экономом звали Натан Дьюри. Стройный, сухощавый мужчина с манерами провинциального дьякона, одетый в добротный, старомодный жилет, опоясанный тяжелой часовой цепочкой. Строго обставленный кабинет: дубовый стол с аккуратно разложенными ведомостями, чернильница, ручка со стальным пером; шкаф, заполненный папками и бухгалтерскими ведомостями. Напротив стола на полу у окна стояли часы в потемневшем от времени деревянном корпусе со стеклом посередине, монотонно размахивая внутри поблекшим латунным маятником.

Экономом встал, встречая входящего Лестрейда. Жестом пригласив инспектора садиться, Дьюри остался на ногах.

– Я не врач, – сразу обозначил свою ответственность экономом, – моя епархия: распорядок, снабжение углём и провизией, содержание зданий. За медицинский персонал и лечение я никоим образом не отвечаю и в процесс не вмешиваюсь. Надеюсь, вы меня понимаете, инспектор?

– Разумеется, – кивнул Лестрейд. – За этим я к вам и пришёл. Кто, где находился в ночь смерти полковника Картера. Как обстоят дела с замками, ключами и запорами, в общем, с доступом.

Дьюри кивнул и дёрнул за цепочку, словно проверяя на месте ли часы.

– Понимаю, сэр. Четвёртая... Пять обитателей. Доступ в палату – через общий коридор, дверь не запирается ни снаружи, ни изнутри.

– Почему?

– Наши пациенты – не заключённые. А обитатели четвёртой палаты – люди заслуженные, мы здесь все относимся к ним с уважением.

– Вы хотите сказать, что за четвёртой следят менее строго?

– Здесь вообще никто ни за кем не следит. Передовая методика, сэр... Доктор Хэдли верит в исцеление словами и трудом, а наши пациенты всё норовят его обмануть, скрывая своё безумие за вежливостью и исполнительностью. А, если говорить о четвёртой, то лично я сомневаюсь в капитане Мортоне. Третьего дня он забрался под кровать и выкрикивал оттуда команды... Еле уговорили его оттуда выбраться.

– Простите, что перебил, мистер Дьюри, но давайте вернёмся к смерти полковника Картера. Кто был на смене в ночь с тридцать первого января на первое февраля?

– Сиделка Дженнингс и фельдшер Вуд заступили в девять вечера. Утром их сменила сестра Симпсон, она и обнаружила мёртвого полковника.

– У кого есть ключи от закрываемых помещений?

– У главного врача Хэдли, у меня и у заведующего аптекой. Повторяю: все палаты – без внутренних замков. Запираются только кладовые, сейфы с лекарствами, ворота, наружные калитки...

– Кто из персонала мог заходить в палату номер четыре?

– Да, кто угодно... Обслуживающий персонал находится в лечебном корпусе практически постоянно. Некоторые здесь же и живут, только местные на ночь уходят домой.

– И последнее, мистер Дьюри, кто, по-вашему, мог убить полковника Картера?

Эконом отвёл взгляд в сторону и задумчиво произнёс:

– Душевнобольные люди, сэр... Что с них взять? Но, если бы это были скачки... мой безусловный фаворит – сержант Йейтс.

– Почему именно он?

– Тихий. Тёмная лошадка, сэр... На такого сразу и не подумаешь.

Словно в подтверждение сказанного, часы натужно, с хрипом ударили один раз. Четверть второго.

2 февраля 1903 года. Ближе к вечеру

Инспектор Лестрейд весь день допрашивал персонал.

Горничная с красными от холодной воды руками постоянно шмыгала носом и глупо хлопала глазами.

Старый садовник, все эти дни с непостижимым упорством обрезавший ветки заснеженных лип, оказался глуховат и абсолютно безразличен к судьбам пациентов клиники.

Обе поварихи, слишком занятые обсуждением, с кого именно следует вычесть деньги за подгоревшее вчера рагу, и бестолковый кухонный мальчишка твердили одно: их дело питание и порядок на кухне, им запрещено болтаться по коридорам больницы.

Сиделка миссис Дженнингс, женщина грузная и медлительная, подтвердила слова сестры Симпсон, но добавить ничего не смогла.

Ночной сторож, то и дело вытирая слезящимися глаза, клялся, что не спал и никого, кроме фельдшера Вуда, выходящего покурить, не видел.

Озябший и злой, инспектор направился в кабинет главного врача. Требовательно постукав, Лестрейд сразу же вошёл и направился к камину, где приветливо гудел огонь. Он протянул руки к каминной решётке, жадно грея озябшие ладони.

– Ну вот, доктор, – сказал он, глядя на танцующие языки пламени. – Пришла и ваша очередь. Расскажите, что видели вы. Попрошу излагать в деталях и с самого начала.

Хэдли аккуратно выровнял стопку бумаг и медленно поднялся из-за стола.

– Первого февраля с раннего утра я находился в этом кабинете. Январь закончился, нужно было сдавать отчёты... Я проверял сводные ведомости и... пил кофе. Около семи дверь распахнулась без стука: на пороге стояла сиделка Дженнингс. Лицо бледнее мела, губы трясутся. Она сказала... – Доктор сделал паузу, вспоминая. – «Полковник Картер... Он умер, сэр».

– Я немедленно последовал за ней. Миссис Дженнингс осталась в коридоре, а в палату следом за мной вошла медсестра Симпсон. В комнате было тихо. Пациенты еще спали... или притворялись, что спят. Я прошёл за ширму...

Крови на подушке было мало. Я взял Картера за руку и, не нащупав пульс, убедился, что полковник мёртв, а по температуре руки – давно мёртв. Открыл шторы, чтобы стало светлее, и приказал мисс Симпсон вместе с миссис Дженнингс разбудить остальных и вывести из палаты.

Лестрейд развернулся и, сложив руки на груди, спросил:

– А если бы я вас, доктор, допрашивал как подозреваемого, что бы вы мне сказали?

Роберт Хэдли выдержал взгляд инспектора. Затем он медленно опустился в кресло и, переложив на столе бумаги, ответил:

– Мне незачем было желать смерти полковнику.

Доктор помолчал, разглядывая свои руки, а потом продолжил:

– Впрочем, наверняка, вы об этом уже знаете... В Мафекинге я имел честь служить под командованием полковника Джеральда Картера. И, если вы полагаете, что я свёл с ним старые счёты – скажите мне об этом сейчас, глядя прямо в глаза. – Доктор сжал кулаки так, что побелели костяшки пальцев.

– Не сомневайтесь, сэр, – тихо, но веско ответил Лестрейд. – Скажу... Когда буду в этом уверен.

3 февраля 1903 года

На следующее утро, когда Лестрейд переступил порог кабинета главного врача, лейтенант Слоан его уже там ждал. Он сидел у окна, примостившись боком на жёстком стуле. Влившемся из окна сером сумраке замершего под снегом утра, его силуэт казался вырезанным из чёрной бумаги. В руках лейтенант вертел фигурку, схожую с маленьким человечком.

– Лейтенант Арчибальд Слоан, – обратился Лестрейд, тихо прикрывая за собой дверь. – Разрешите задать вам несколько вопросов?

– Разрешаю, сэр, – безразлично ответил офицер, не поворачивая головы. – Вы военный следователь?

– Нет, сэр. Я инспектор Лестрейд из Скотленд-Ярда. Но здесь нахожусь приватно, и вы имеете полное право не отвечать на мои вопросы.

Фигурка в руках Слоана замерла.

– Я... подозреваемый по делу об убийстве полковника Картера?

– Нет, сэр. Вы – даже не свидетель, просто мой собеседник.

Лестрейд взял стул и сел напротив лейтенанта.

- Попробуйте припомнить: когда вы уснули в ночь на первое февраля?
- Не помню. А что... должен помнить?
- Нет, сэр. Вы никому ничего не должны. Тем более мне.
- В тот вечер полковник Картер говорил непрерывно. Всё говорил и говорил...
- Вы ему отвечали?
- Нет, инспектор. Он разговаривал сам с собой. Но потом обратился лично ко мне.
- Что именно он вам сказал?
- Лейтенант поднёс фигурку к самым глазам.
- Он спросил: «Лейтенант Слоан, вам приходилось стрелять из пулемёта?» Я ответил: «Из французского «Гочкисса». На треноге». Картер сказал, что «Гочкисс» – не то. Вот «Максим» – другое дело. Особенно при расстрелах. Только вода в коже быстро закипает...»
- Расстрелах? Кого?
- Я не уточнял.
- Вы подходили к Картеру?
- Зачем?
- А скажите, пожалуйста, лейтенант, кто-нибудь из ваших соседей ночью вставал?
- Не знаю.
- Может быть, вы видели в палате постороннего? Слышали скрип двери, разговор в коридоре?..
- Нет, сэр. Ночью я спал.
- От кого вы узнали о смерти полковника Картера?
- Слоан переложил фигурку в левую руку. Его лицо оставалось совершенно бесстрастным.
- Ни от кого... Ведь Картер умер не вчера... Он давно уже был мёртв...
- Вот как? – удивился Лестрейд. – И как же он умер?
- Я убил его... на дуэли.
- За что, если не секрет?
- Какие могут быть секреты между своими? Я убил его за поведение, недостойное британского офицера. Картер был не полковником, а палачом. Но самое страшное было не в этом.
- А в чём же, мистер Слоан?
- В том, что в палачи он определил себя сам.
- Из-за свинцово-сизых туч несмело проглянуло солнце – и на ковёр легли полосы света и тени.
- Словно решётка на окне тюремной камеры.

3 февраля 1903 года. Позднее утро

Лестрейд стоял у высокого окна, наблюдая, как ветер крутит позёмку, когда дверь за его спиной отворилась и в кабинет главного врача вошёл капеллан Джозеф Теннант. Лево́й рукой он прижимал к груди знакомую Лестрейду увесистую Библию в кожаном переплёте, в правой была записная книжка.

– Здравствуйте, преподобный, – поздоровался первым Лестрейд. – Меня зовут Джордж Лестрейд, я...

– Знаю, сын мой. Вы тот, кто пришёл за истиной. Ибо сказано: «Подвизайся за истину до смерти, и Господь Бог поборет за тебя»¹.

– Хорошо... если бы Господь поборол за меня.

Теннант без приглашения сел в отставленное Лестрейдом к камину кресло главврача. Устроил на коленях Библию, положил на неё записную книжку, а сверху, как на алтарь, аккуратно сложил руки. В камине разгорался уголь, и ярко-красные отблески пламени играли на блестящем переплёте, оживляя потускневшее золотое тиснение.

– Сестра Симпсон сообщила, что вы плохо спали в ту трагическую ночь?

– Как и многие, я не люблю ночную тьму, в особенности, когда с нею приходит смерть.

– Извините, мистер Теннант, но ваши слова прозвучали несколько двусмысленно. Откуда вам было знать, что именно в эту ночь убьют полковника?

– Верно, – живо отреагировал Теннант. Но сказано: «Я, Господь, обращу лицо Мое на него и истреблю его».² Я не знал дня, но был уверен, что рано или поздно его настигнет кара небесная.

– Не соглашусь с вами, ваше преподобие. Я не думаю, что божий промысел может реализовываться через умышленные убийства. Хотя... Кто-нибудь заходил в палату? Или может быть вы слышали что-то подозрительное? Шаги, голоса...

– Никто не заходил. А голос... исключительно Картера. В ту ночь он разговаривал сам с собой, впрочем, как и в предыдущую.

– А ваши соседи по палате... Кто-то вставал, выходил...

– Йейтс ворочался. Мортон стонал. Слоан... Лейтенант спал сном безгрешного праведника.

– Мне он сказал, что разговаривал с полковником...

– Ему это приснилось. Я не слышал голос Слоана.

– Ладно... Как вы полагаете Картер заслуживал смерти?

– Мне Картер не исповедовался. Но любил бахвалиться, что подарил английскому языку понятие, которому до него не было названия.

– Название... Что-то я не пойму вас, мистер Теннант. Полковник занимался в Южной Африке географический исследованиями?

– Картер по поручению генерала Китченера занимался организацией концентрационных лагерей, но не для буров, а для их семей... От тифа, болезней и голода в них погибли десятки тысяч людей. А я был... в одном из них, – голос Теннанта дрогнул. – И видел, похожих на обтянутые кожей скелеты стариков, детей, с раздутыми от голода, животами; исхудавших женщин, закутанных в грязное, кишачье вшами тряпье.

Вы не спросили, почему я не упомянул среди пленных мужчин. Потому что их отправляли в другие лагеря, в Индию и на Цейлон.

– Благодарю вас, мистер Теннант.

¹ Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова. Гл. 4, ст. 32.

² Книга Левит. Гл. 20, ст. 3.

Священник передал принесённую записную книжку. Лестрейд открыл. На первой странице аккуратным, бухгалтерским почерком было написано:

«31.01.1900. Блумфонтейн. Январь месяц: Суточная норма питания на одну женщину – мука, полфунта; солонина пять унций (рис и кукуруза закончились). Соль выдаётся раз в неделю (при наличии). Детская норма – половина. Умерших за неделю: сорок семь. Причина смерти – дизентерия. Заключительная фраза: «На основании вышеизложенного, полагаю, выдаваемые пайки признать достаточными для поддержания здоровья...».

Инспектор вопросительно посмотрел на священника:

–Это записи Картера?

Тот молча кивнул, открыл Священное Писание на заложенной странице и прочитал: «Вот дела, которые вы должны делать: говорите истину друг другу; по истине судите у ворот ваших».³ Перекрестился и вышел.

Лестрейд проводил пастора взглядом и прошёл к крайнему книжному шкафу. Где-то здесь ему раньше попадалась на глаза Библия. Инспектор долго листал, пока не нашёл вторую,

³ Книга пророка Захарии. Гл. 8, ст. 16.

последнюю и первую фразы, процитированные Теннантом. Именно в такой последовательности они оказались в Библии.

Лестрейд прошёл ближе к свету и, встав у окна, вслух прочитал: «Вот дела, которые вы должны делать: говорите истину друг другу; по истине и миролюбно судите у ворот ваших.»

Читая слова пророка Захарии, пастор опустил слово: «миролюбно».

3 февраля 1903 года. Полдень

Столярная мастерская располагалась в цокольном этаже лечебного корпуса: место, где человеческое безумие усмиралось монотонным трудом. Густой запах разогретой древесной смолы здесь смешивался с хвойным ароматом сосновых опилок, создавая обманчивое предпраздничное настроение.

Инспектор Лестрейд спустился по крутой лестнице и остановился в проёме открытой двери. Полуподвальные окна, занесённые снегом, пропускали в помещение тусклый, мертво-голубой свет.

Сержант Йейтс сидел на низком табурете у верстака.

Приземистый, широкоплечий, с крепкой шеей и руками, подходящими для грубой работы плотника. Высоко закатанные рукава простой фланелевой рубахи обнажали грубые наколки, выцарапанные ножом и густо присыпанные чёрным порохом.

На правом предплечье сверху-вниз читалось «Мафекинг», под ним – «1899-1900». На левом красовался довольно большой крест с расплывшейся датой «1902». Татуировки были словно шрамы памяти, проступившие после войны на руках сержанта.

Йейтс методично полировал деревянный шар размером со средний череп, превращая его в идеально гладкий. Размеренный шорох наждачной бумаги напоминал хриплое дыхание невидимого зверя.

– Сержант Йейтс? – негромко уточнил Лестрейд.

Рука замерла, но головы он не поднял.

– Здесь нет сержантов, сэр, – голос Йейтса был низким и хриплым, как бывает после долгого молчания. – У меня есть номер истории болезни, а в ней фамилия, которую вспомнят, когда я попаду во флигель, где вы были вчера.

– Я хочу поговорить о том, что случилось с полковником Картером.

– А что с ним могло случиться, если он вчера умер, – сказал сержант без вопросительной интонации.

Он поднёс деревянный шар к глазам, дунул на него и только после посмотрел на инспектора. Во внимательном взгляде прищуренных глаз не было ни тени безумия.

– Я люблю тишину. В ней хорошо слышны крики других, – загадочно произнёс Йейтс и катнул шар по верстаку в сторону таких же. Как при удачном бильярдном ударе шары столкнулись с сухим, костяным перестуком. Йейтс неожиданно вздрогнул и выставил шары в безупречную линию, на равном расстоянии друг от друга.

– Вы пришли узнать, кто его прикончил?

Лестрейд прошёл к верстаку, взял крайний шар и качнул его на ладони, определяя тяжесть.

– Вы знали полковника Картера до лечебницы?

– Мы с братом были под его началом в гарнизоне Мафекинга. И почти все двести семнадцать суток я пролежал там за пулемётом... Первым номером. Скажу без ложной скромности: только благодаря таким, как я, пулемётчикам, буры не взяли город. Мы их косили как траву на прибрежных лугах Гебридов. Вы бывали когда-нибудь на внешних Гебридских островах, мистер?

– Нет, сержант, не довелось. А как у полковника складывались отношения с офицерами полка?

– Спросите у них сами. Я, слава Богу, не офицер. Со мной ему не о чем было толковать,

– Йейтс усмехнулся. – Он мне только приказывал. И я выполнял...

– Вы спали в ночь смерти полковника?

– Спал?.. Нет, сэр. Как я мог спать, если душил его вот этими самыми руками. Вы когда-нибудь слышали, как кричат люди перед смертью? А я слышал.

– Вы уверены, что вы его именно задушили?

– А вы уверены, что он умер? – Йейтс внимательно посмотрел на инспектора цепким, как крючок, взглядом. – Может, он всё ещё лежит там... за ширмой. И говорит, говорит... –

голос сержанта зазвучал тише. – Перечисляет номера приказов, нормы для пленных, списки умерших... Отдельно женщин. Отдельно стариков. Отдельно детей...

– Есть ли в ещё палате бывшие сослуживцы полковника?

– Да все, сэр. Капеллан. Лейтенант Слоан. Капитан Мортон.

– Извините, сержант... Вы говорили, что служили вместе с братом. Где он сейчас?

– Погиб.

– Примите мои соболезнования, мистер Йейтс. И последний вопрос. Полковник Картер, заслуживал смерти?

– А как думаете вы, инспектор?

3 февраля 1903 года. После полудня

Капитан Эндрю Мортон вошёл в кабинет главврача, чётко печатая шаг, точно на доклад к начальнику штаба. На висках – седина, лицо – испещрено морщинами. Галстук максимально затянут. Все пуговицы на армейском сюртуке – застёгнуты.

– Капитан Мортон? – уточнил Лестрейд, привставая из-за стола.

– К вашим услугам, сэр, – ответил тот, привычно вскинув руку в армейском приветствии.

– Присаживайтесь, мистер Мортон.

Капитан сел, не касаясь спинки стула. Спина прямая, ладони на коленях, подбородок приподнят.

– Расскажите, как прошла ночь с тридцать первого января на первое февраля.

– Беспокойно, сэр. Как по мне, так слишком шумно для лечебницы. Особенно после семи утра.

– А до семи?

– Полковник Картер, сэр. Он всех уже утомил своей болтовнёй. Правда, я привык и не прислушивался.

- Почему?
 - Потому что я слышал всё это прежде. Там, в Африке. От него и от таких, как он. Его голос – та часть прошлого, о котором я бы не стал рассказывать в приличном обществе. Да, что там в приличном. Вообще нигде и никогда.
 - Вы подходили к Картеру в ту ночь?
 - Нет, сэр.
 - Вы видели, как кто-нибудь входил или выходил?
 - Нет, сэр. Ночью я спал и мне приснился кошмар. Проснулся утром от прикосновения сестры Симпсон.
 - Полковник Картер был вашим командиром?
 - Не прямым, сэр. Но мы часто пересекались. Я работал в интендантской службе. Полковник Картер был достаточно известной фигурой.
 - Фигурой?.. Как прикажете вас понимать?
 - Полковник приговорил себя на пожизненное заключение в устав. Если бы мог, он бы и жил в нём. Но не это было главным. Картер был жестоким и беспощадным, как пулемёт Максима, который он буквально боготворил.
 - Вы сказали вам приснился кошмар. Вы его запомнили?
 - Да, инспектор. Во сне я убил Картера.
 - Каким образом, капитан?
 - Точно не помню... кочергой из камина... или деревянным шаром, подаренным Йейтсом.
 - Как это произошло?
 - Когда я вошёл к нему за перегородку, полковник молчал и заворуженно глядел в окно на медленно падающий снег. Мы в Африке уже и забыли, что это такое. Я ударил его сзади... И всё.
 - Как всё? А кто уложил тело на кровать?
 - Не скажу, сэр. Дальше я сон не досмотрел. Меня разбудила сестра Симпсон, велела быстро одеваться и выходить из палаты.
 - Скажите, капитан, когда вы узнали о смерти Картера?
 - Вскорости за ланчем. Лейтенант Слоан объявил, что он убил полковника на дуэли ровно год назад.
 - А деревянный шар, подарок Йетса... где он сейчас?
 - Должен быть там, где я его бросил – под кроватью полковника Картера.
 - Но его там нет. Ни шара, ни следов крови на полу...
 - Значит, его кто-то подобрал.
 - Кто мог это сделать, капитан Мортон?
 - Да кто угодно... Сестра Симпсон... Или вы, инспектор.
 - Позвольте вам задать последний вопрос? Полковник Картер, заслужил смерть?
 - «Заслужил»? Нет, сэр. Не заслужил. Её к нему прислали.
 - Кто прислал, мистер Мортон?
- Капитан закрыл глаза и замер, будто прислушиваясь:
- Те, кого расстреляли по его приказу.

3 февраля 1903 года. До захода солнца

Едва за Мортоном закрылась дверь, как в кабинет вошёл доктор Хэдли с папкой в руках. Он поздоровался со стоящим у окна Лестрейдом и занял место в своём кресле.

– Какие у вас планы, господин инспектор? – поинтересовался врач, кладя папку на стол рядом с открытой Библией.

– Сегодня вечерним поездом я уезжаю, – ответил Лестрейд.

Хэдли замер, затем, упираясь ладонями в столешницу, медленно поднялся из-за стола.

– Постойте. Вы, инспектор Скотленд-Ярда, уедете, оставив преступление нераскрытым? Лестрейд кивнул.

– Такое бывает, мистер Хэдли. И, к сожалению, чаще, чем мне бы этого хотелось.

– А что мне доложить в министерство? – в голосе врача прозвучала растерянность.

– Что я посоветовал вам дожидаться официального уведомления о результатах проведённой здесь досудебной проверки.

– Прошу меня понять... Я отвечаю за жизни вверенных мне людей. Убийца не найден, а он может быть посторонним...

Инспектор отрицательно качнул головой.

–... кем-то из персонала...

Инспектор, протестуя, выставил ладонь.

–... или одним из пациентов...

Инспектор показательно отвернулся. Доктор не выдержал молчания и спросил:

– Вы знаете, кто убийца, мистер Лестрейд?

– Исполнитель приговора... Полагаю, что знаю судью и присяжных, поддержавших обвинительный вердикт.

Лестрейд подошёл к вешалке, надел пальто, шляпу и вышел, не оглядываясь.

Доктор Роберт Гардинер Хэдли встал у окна. Инспектор Лестрейд уже выходил из ворот.

На улице потеплело. Ещё вчера ослепительно белый снег стал серым, словно грязная соль. Тут и там проступили проплешины, будто запущенные раны из-под снятых медицинских повязок.

Доктор вернулся к столу и, только сейчас обратив внимание на открытую Библию, взял книгу в руки и громко прочитал отчёркнутое красным карандашом:

«Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь.»⁴

⁴ Римлянам 12:19.

Последняя воля леди Фицрой

2 октября 1903 год. Утро. Улица Грэйт Скотленд-Ярд

Район

Уайтхолл. Лондон

В дверь кабинета на четвёртом этаже настойчиво постучали.

– Войдите, – недовольно буркнул инспектор Лестрейд. Сегодня он специально пришёл в Скотленд-Ярд пораньше, чтобы спокойно поработать до прихода своих коллег. И вот, пожалуйста. Подобные ранние визиты никогда не сулили ничего хорошего.

Вот и на этот раз дверь открылась и в кабинет вошёл курьер в официальной униформе министерства внутренних дел. Он молча прошёл к столу, поставил на стол кожаный коричневый портфель, открыл его, достал и выложил перед инспектором регистрационный журнал и конверт, зашитый в полотняный чехол. Лестрейд расписался в журнале и вернул его курьеру. Тот посмотрел на подпись, потом перевёл взгляд на Лестрейда, будто сверял подпись с образцом, кивнул и, убрав журнал в портфель, вышел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.